

— Гастроли Комеди Франсез в этом году, целиком посвященные творчеству Мольера, связаны, очевидно, с датами 1673—1973?

— Да, в этом году мы отмечаем трехсотлетие со дня смерти Мольера. Для нас, безусловно, это очень большое событие, которое наш театр стремится должным образом отметить. Однако и во все прежние, неубиенные годы мы всегда во всех странах играли во время гастролей преимущественно Мольера. Потому что в комедиях Мольера, и это свойство лишь истинных великих произведений — оставаться всегда актуальными, непременно есть что-то обращенное и к нынешним зрителям. Нечто такое, на что отзываются струны нашего сердца, что занимает и развлекает сегодняшних зрителей. Поэтому мы и выбрали для наших гастролей «Мнимого больного», а также бессмертного «Тартюфа» и впервые поставленный на нашей сцене одноактный фарс молодого Мольера «Летающий доктор».

— Привезенные театром спектакли поставлены специально к трехсотлетию?

— И да, и нет. Согласитесь, что трудно поставить к определенной дате сразу десяток спектаклей. Мы начали готовиться заранее, исподволь. Так, «Тартюфа» в том виде, в каком его сейчас смотрят советские зрители, мы играем уже четыре года, «Мнимого больного» — чуть больше года, а «Летающего доктора» — лишь полтора месяца.

— В какой степени привезенные Комеди Франсез спектакли соотносятся с так называемой мольеровской традицией?

— Прежде всего, нужно внести ясность в сам термин. Во Франции говорят традиция и традиции. Традиция в театре — это сумма приемов, трюков, жестов, осо-

мнивая. Тем самым искреннее у Мольера горе Анжелики сразу приобретает характер деланности, фальши. К чему это смещение? Ведь если бы Мольер хотел написать неискренность, он бы ее и написал, ибо он всегда писал так, как хотел. Если же он ни в одной ремарке не сделал никаких указаний, стало быть, это просто не входило в его намерения.

— Однако, что касается «Мнимого больного», во Франции существует как будто две исполнительские традиции этой комедии. Одна — чисто фарсовая, другая — почти трагическая, основанная на

чайная популярность «Тартюфа» в XIX веке и удивительный интерес к прежде забытому «Дон Жуану» после второй мировой войны...

— Главные комедии — это те, которых требует публика. «Дон Жуан» действительно много играли и играют после войны. Мне самому пришлось не так давно, в 1967 году, сыграть Сганареля в авангардистском спектакле, поставленном в нашем театре Антуаном Бурсейе. Но все же «Дон Жуан» никогда не имел настоящего успеха. Потому что эта, быть может лучшая, пьеса Мольера не обращена к широкой публике, она трудна для восприятия, отнюдь не развлекательна. У нее может быть лишь свой, довольно узкий круг зрителей. Впрочем, свой круг зрителей и у «Мещанина во дворянстве». На мой взгляд, главными для основной массы сегодняшних зрителей можно назвать такие комедии Мольера, как «Мизантроп», «Скупой», «Тартюф».

— Поскольку вы упомянули о «Мещанине во дворянстве», расскажите, пожалуйста, о последнем спектакле Жана-Луи Барро, который он поставил с труппой Комеди Франсез. Вы ведь заняты в главной роли?

— Да, я играю господина Журдена. Спектакль Жана-Луи Барро идет с большим успехом. Идет не на сцене театра, а в шапите в саду Тюильри. Барро захотел поставить «Мещанина во дворянстве» так, чтобы то, что развлекало и веселило публику XVII века, в той же мере могло стать развлечением и для нынешней публики. С этой целью он заказал к спектаклю музыку, не стилизованную под старинную, а откровенно современную — в популярных ритмах, в современной оркестровке. И надо сказать, что эффект все это дало прекрасный. Публика участвует в действии — подпевает, прихлопывает в такт, живо реагирует на происходящее.

— Мы знаем вас, г-н Шарон, как замечательного актера, но прежде мы не знали вас как режиссера. Расскажите, пожалуйста, о вашей режиссерской деятельности и о системе работы режиссера в Комеди Франсез.

— Во Франции в отличие от Англии, например, режиссеры всегда были актерами. В Комеди Франсез актеры нередко становятся и режиссерами. Что касается меня, то я начал своей режиссерской деятельности обязан Гастону Бати. В 1947 году он ставил в Комеди Франсез по случаю дебюта Анни Дюко «Беренику» Расина и попросил меня порепетировать вместо него как-то раз, когда ему срочно нужно было уйти. Потом я стал работать вместе с Бати, а потом и самостоятельно. Ставил Марию, Фейдо, «Проделки Скапена» Мольера, «Сирано де Бержерака» Ростана. Несколько спектаклей поставил и в театрах Бульваров, в частности «Лошадь в обмороке» Франсуаза Сагана. Однако то, что я поставил «Тартюфа», которого мы сейчас играем в Советском Союзе, — случайность. Для постановки этого спектакля в 1968 году в Комеди Франсез был приглашен Жан-Луи Барро. Но майские события 1968 года во Франции и различные следствия этих событий сделали его работу над спектаклем невозможной. И я вынужден был поставить тогда этого «Тартюфа». Комеди Франсез приглашает многих режиссеров извне. Это и Жан-Луи Барро, и Антуан Бурсейе, и Жан-Лоран Коше — постановщик «Мнимого больного», и Жан-Мари Серро, и известный драматург Жан Ануи, который в прошлом году сам поставил у нас свою пьесу «Бекет, или Честь господня», и режиссеры из других стран, из Англии например, когда мы ставим Шекспира. А в «Летающем докторе», которого вы также могли посмотреть во время наших гастролей, дебютирует в качестве режиссера совсем молодой наш актер, недавний выпускник парижской Консерватории (она готовит также и актеров драматических театров) Франсис Перрэн.

— Как построен репертуар театра в «мольеровском году»?

— Сейчас у нас в репертуаре 15 пьес Мольера. Мы намерены еще выпустить «Мизантропа». Кроме комедий Мольера, на нашей афише остаются Ануи, Монтерлан, Жироу.

— Что изменилось в Комеди Франсез с приходом нового директора — Пьера Дюкса?

— Ничего не изменилось. Личность директора на деятельность Комеди Франсез не влияет, потому что у нас театром в большей степени руководит комитет, который формирует и репертуар, и труппу и решает все важнейшие вопросы.

Беседу вел И. МЯГКОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Мнимый больной».

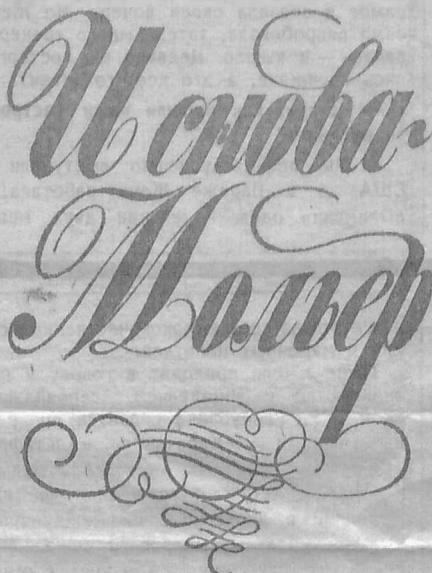
Фото ТАСС.

27 марта — Международный день театра

Жак Шарон — один из ведущих и очень популярных актеров Комеди Франсез. Советским зрителям он известен, в частности, по французскому телевизионному фильму «Мещанин во дворянстве» как блестящий исполнитель главной роли — простодушного и смешного в своих человеческих слабостях господина Журдена. В связи с открывшимися в Советском Союзе 3 марта гастролями старейшего театра Франции «Неделя» попросила Жака Шарона ответить на несколько вопросов.

бенностей игры, скажем — в данной пьесе Мольера. Каждый большой актер добавляет в длинный список уже существующих традиций свои, новые. Нередко последующее поколение актеров перенимает традиции у поколения предшествующего. На мой взгляд, в этом не много смысла: всякий актер должен обладать ему лишь свойственной манерой игры. Другое дело — мольеровская традиция. Это уважение духа, смысла Мольера, признание своей преемственности в отношении его театральной деятельности, его борьбы и привязанностей, его тенденции. Конечно, уважение традиции необходимо предполагает соотнесение ее с тем временем, в котором мы живем. Нужно учитывать развитие человечества. Мы живем при электрическом свете, а в XVII веке были свечи. Мы живем в стремительном ритме XX века, а в XVII веке жили медленно, играли на сцене тоже медленно. Я не сторонник стилизации в спектаклях Мольера, то есть точной передачи всех атрибутов и деталей прошедшей эпохи: ведь костюмы, в которых играли актеры труппы Мольера, были для зрительного зала XVII века костюмами современными. Мне кажется, что в приближении комедий Мольера к уровню и восприятию сегодняшней публики, в некотором «омоложивании» его героев как раз и проявляется уважение к живой традиции Мольера в нашем театре. Не следует, однако, впадать в крайности. Я имею в виду мольеровские спектакли некоторых наших трупп, стремящихся во что бы то ни стало, любой ценой к оригинальности трактовки, играющих то, что у Мольера не написано, оставляющих главную дорогу ради окольных троп. Это уже не осовременивание, не приближение Мольера к нашим дням, а забвение его, выражение себя, а не его. Я помню одного виденного мною «Мнимого больного». В сцене испытания, которую устраивает Арган своей жене Белине и дочери Анжелике, притворился мертвым, служанка Туанетта, наперсница Анжелики, знаками издавала показывает ей, что смерть отца —

совпадении премьеры пьесы со смертью Мольера.

— Мольер не знал, что «Мнимый больной» — его последний в жизни спектакль. Традиция самого Мольера в этой пьесе — традиция фарсовая. Что касается спектакля Гастона Бати, который вы, очевидно, имеете в виду, говоря о трагической трактовке, то он оказался единственным в своем роде. Арган в нем и в самом деле был болен, а окружающие этого не понимали. Я очень люблю Бати, мне довелось работать с ним, это был замечательный режиссер, но его «Мнимый больной» — все жевольность в отношении Мольера. Мольер не писал того, что поставил режиссер.

— Разные эпохи отбирали из наследия Мольера разные пьесы в качестве главных комедий времени. Так, известна чрезвы-